

■ Глава 1

ЖЕНЩИНА В САРАЕ

Ты предпочитаешь думать, что все женщины кому-то принадлежат, — и он достался тебе.

Так проще. Если никто не свободен. В твоём мире нет места для людей извне. Ты гонишь прочь мысли о ветре, играющем в их волосах, о солнце на их коже.

Он приходит вечером. Отпирает сарай. Приносит на подошвах ботинок опавшие листья. Закрывает за собой дверь, возвращает задвижку замка на место.

Гляньте на него: молодой, сильный, ухоженный. Ты вспоминаешь день вашей встречи, тот краткий миг, перед тем как он открыл свою истинную сущность. Вот его образ: мужчина, который знаком со всеми соседями. Который всегда вовремя сдает вторсырье. Который стоял в родильной палате при появлении на свет своего ребенка: надежный щит против злых сил. Завидев его в очереди в супермаркете, мамочки вручают ему малышкой со словами: «Не подержите минутку, я забыла молочную смесь, сейчас вернусь».

И вот он здесь, теперь твой.

Все подчинено строгому распорядку.

Он окидывает тебя взглядом, словно проводя опись. Ты на месте. Две руки, две ноги, туловище, голова.

Вздых.

Приступая к вашему совместному ритуалу, он наклоняется отрегулировать электрообогреватель или вентилятор, в зависимости от времени года. Его мускулы постепенно расслабляются.

Ты протягиваешь руку за пластиковым контейнером, над которым поднимается горячий пар. От обжигающей лазаньи, картофельной запеканки, жаркого из тунца — чего угодно — на небе вскакивают волдыри.

Он дает тебе воду. Всегда во фляжке, никаких стаканов. Ничего бьющегося и острого. От ледяной жидкости зубы пронзает электрический разряд. Но ты пьешь, потому что сейчас время пить. Во рту остается привкус металла.

Ты справляешь нужду в принесенное ведро, давно позабыв о смущении. Он забирает отходы твоей жизнедеятельности и ненадолго выходит. Снаружи доносится глухой звук шагов по земле, плещет струя из шланга. Он возвращается с чистым ведром, наполненным мыльной водой.

Наблюдая за тем, как ты моешься, он поочередно протягивает предметы: кусок мыла, пластиковую расческу, зубную щетку, маленький тюбик пасты. Раз в месяц — шампунь от вшей. Твое тело — нескончаемый источник неприятностей, от которых он тебя ограждает. Твоя физическая оболочка принадлежит ему, ты — всего лишь гостя. Каждые три недели он извлекает из кармана маникюрные ножницы. Ждет, пока ты приведешь себя в презентабельный вид, после чего забирает их. Всегда. И так год за годом.

Ты одеваешься. Бессмысленное занятие, с учетом того, что произойдет далее, но решать ему. Он — тот, кто расстегивает молнии, пуговицы, снимает одежду. Очевидно, в противном случае система даст сбой.

Ты не собиралась изучать географию его тела, но все равно выучила. Родинку на плече. Дорожку волос внизу живота. Руки, хватку пальцев. Горячую ладонь, смыкающуюся на твоей шее.

В процессе он никогда не смотрит на тебя. Дело не в тебе. Дело во всех женщинах и девушках. Дело в нем, в его воспаленном сознании.

Когда все кончено, он не задерживается. У него своя жизнь, свои обязанности. Семья, дом. Проверка школьных заданий. Просмотр кино. Ему надо ублажать жену и укладывать в постель дочь. Целый список дел поважнее твоего ничтожного существования, и напротив каждого пункта необходимо поставить галочку.

Но не сегодня.

Сегодня все иначе. У тебя на глазах этот сверхосторожный мужчина, который всегда просчитывает шаг за шагом, нарушает свои правила.

Он поднимается, упираясь ладонями в деревянный пол, чудом не посадив ни единой занозы. Затягивает на животе ремень, придавливая металл пряжки к упругой плоти.

— Слушай, — говорит он.

Ты настораживаешься, вся внимание.

— Ты здесь уже довольно долго.

По его лицу нельзя ничего прочесть. Он немногословен, его черты непроницаемы.

— К чему ты клонишь?

Он застегивает молнию на толстовке до самого подбородка.

— Мне придется переехать.

И вновь ты вынуждена спросить:

— Что?

У него на лбу пульсирует жилка. Ты его раздражаешь.

— В новый дом.

— Почему?

Он хмурится. Открывает рот, словно хочет что-то сказать, затем передумывает.

Не сегодня.

Когда он идет к выходу, ты стараешься поймать его взгляд. Хочешь, чтобы он упивался твоей растерянностью, немymi вопросами. Чтобы почувствовал удовлетворение оттого, что оставляет тебя в неизвестности.

Первое правило выживания в сарае: он всегда выходит победителем. За пять лет ты в этом убедилась.

■ Глава 2

ЭМИЛИ

Знает ли Эйдан Томас, как меня зовут? Понятия не имею. Даже если нет, я не в обиде. Есть вещи поважнее, чем запоминать имя девушки, которая дважды в неделю наливает ему вишневую колу.

Эйдан Томас не пьет спиртное. Красивый непьющий мужчина — та еще задачка для бармена, но для меня самое ценное не выпивка, а доверие людей, проходящих провести часик-другой в моем баре.

Эйдан Томас чувствует себя здесь не в своей тарелке. Он как олень, который застыл на обочине и ждет, пока вы проедете мимо, готовый удрать, если к нему проявят излишний интерес. Поэтому я жду, когда он сам подойдет. Каждый вторник и четверг. В море завсегдаатаев он единственный, кого я хочу видеть.

Сегодня вторник.

С семи часов я поглядываю на дверь. Одним глазом высматриваю его, другим слежу за кухней — за старшей официанткой, сомелье и полным придурком шеф-поваром. Мои руки двигаются на автопилоте. Один «Сайдкар»¹, один «Спрайт», один виски с колой. Дверь открывается. Это не он, а женщина из-за столика на четверых, которая выходила перегнуть машину на другое место. Одна содовая с биттером. Новая соломинка для ребенка за дальним столиком. Сообщение от старшей официантки: «четверке» не понравились макароны. То ли холодные, то ли слишком пресные — не очень понятно. Однако претензии есть, и Кора не намерена терять чаевые из-за неисправного подогревателя. Я успокаиваю Кору. Прошу передать поварам, чтобы заменили макароны и добавили что-нибудь бесплатно в качестве извинения. Или пусть Софи, наш пекарь, пришлет десерт, если «четверка» из разряда сладкоежек. Что угодно, лишь бы их заткнуть.

Ресторан — ненасытное чудовище, черная дыра потребностей. Отец не спрашивал моего мнения; просто решил, что я вольюсь в дело. А потом умер. Как и все шеф-повара, прожил жизнь в запаре и хаосе, а мне оставил собирать осколки.

Я зажимаю виски двумя пальцами в попытке отогнать панику.

Возможно, дело в погоде: первая неделя октября, ранняя осень, но дни становятся короче, холодает. Возможно, причина в другом. Просто сегодня каждая неудача воспринимается острее.

Дверь открывается.

Это он.

¹ «Сайдкар» — коктейль из коньяка, апельсинового ликера и свежего лимонного сока.

У меня на душе светлеет. Радость переливается через край. Я чувствую себя ничтожной, капельку похотливой и, вероятно, полной дурой. Однако это самое приятное ощущение, которое дарит работа в ресторане, и я только за. Дважды в неделю я обеими руками за.

Эйдан Томас молча сидит в моем баре. Мы не разговариваем, за исключением обычных любезностей. Все па в этом танце хорошо нами изучены. стакан, кубики льда, барный пистолет, бумажный костер; на картоне старинным курсивом написано «Амандин». Одна вишневая кола. Один довольный мужчина.

— Спасибо.

Я коротко улыбаюсь и нахожу занятие рукам — ополоснуть шейкер, расставить баночки с оливками и лимонными дольками. В перерывах украдкой поглядываю на Эйдана. Я выучила его наизусть, как стихотворение, которое никогда не надоедает: голубые глаза, темно-русые волосы, ухоженная борода. Морщинки вокруг глаз говорят о прожитых годах. О том, что он любил и потерял. Его руки: одна лежит на стойке, другая держит стакан. Уверенные. Сильные. Много повидавшие.

На стойку облакачивается Кора.

— Эмили.

— Что еще?

— Ник говорит, филе нужно списать.

Я сдерживаю вздох. Кора не виновата в капризах Ника.

— И почему же?

— Говорит, нарезка не годится и время готовки ни к черту.

Я неохотно перевожу взгляд с Эйдана на Кору.

— Я его не оправдываю, — добавляет она. — Просто... он просил передать.

В любое другое время я бы вышла из бара и сама разобралась с Ником. Но он не лишит меня этих минут.

— Скажи, что сообщение получено.

Кора ждет продолжения. Она не хуже моего знает, что Ник не удовлетворится «полученным сообщением».

— Передай ему, если будут жалобы на филе, я разберусь с ними лично. Обещаю взять всю вину на себя. Филегейт¹ войдет в историю. И скажи, что сегодня все в восторге от еды. Пускай меньше беспокоится о филе и больше — о выдаче, раз уж его парни присылают холодные блюда.

Кора поднимает ладони — мол: «Хорошо, хорошо» — и направляется обратно в кухню.

На этот раз я позволяю себе вздохнуть. Я уже готова взяться за пару бокалов для мартини, которые нуждаются в полировке, как вдруг чувствую пристальный взгляд Эйдана.

Он поднял глаза от стойки и слегка улыбается.

— Филегейт?

Черт. Он слышал. Я выдавливаю смешок.

— Извини за сцену.

Он делает глоток вишневой колы и качает головой.

— Не извиняйся.

Улыбнувшись в ответ, я переключаю внимание на бокалы для мартини, на сей раз по-настоящему. Краем глаза вижу, как Эйдан допивает колу. Наш танец возобновляется: наклон головы, счет, краткий взмах рукой на прощание.

¹ Суффикс «-гейт» (англ. — *gate*) стал употребляться для названия громких скандалов после Уотергейта — политического скандала в США в 1972–1974 гг., повлекшего отставку президента.

Вот и закончилась лучшая часть моего дня.

Я забираю счет Эйдана — два доллара чаевых, как всегда — и пустой бокал. Только вытирая стойку, замечаю нарушение, перемену в нашем хорошо отрепетированном па-де-де.

Бумажная подставка, которую я сунула под стакан. Сейчас самое время выкинуть ее в мусорную корзину, но я не могу найти подставку.

Может, упала? Обойдя стойку, оглядываю пол у барного стула, на котором Эйдан сидел всего несколько минут назад. Ничего.

Очень странно, однако факт остается фактом. Подставка исчезла.

■ Глава 3

ЖЕНЩИНА В САРАЕ

Он привел тебя сюда.

Ты рассмотрела его владения урывками, брошенными украдкой взглядами. Ты годами прокручивала эти образы в голове, деталь за деталью. Дом в центре участка. Зеленая трава, ивы. Все растения подстрижены, листочек к листочку. Отдельный гараж, амбар, стойка для велосипедов, рассредоточенные по территории, словно кексы на блюде. Змеящийся между ветвей высоковольтный кабель. Ты выяснила, что этот мужчина живет в красивом и спокойном месте, где полагается играть детям и расти цветам.

Он быстро шагал по тропинке вверх по склону. Дом скрылся из виду, сменившись бесконечной чередой деревьев. Наконец он остановился перед сараем: четыре серых стены, односкатная крыша. Никаких

окон. Вокруг не за что уцепиться, не к кому воззвать. Он взялся за металлический навесной замок, выбрал ключ из связки.

Внутри тебе объяснили правила нового мира.

— Тебя зовут Рейчел.

Он сжал твоё лицо в ладонях так, что поле зрения ограничивалось его пальцами. Даже стоя на коленях, он все равно возвышался над тобой.

Тебя звали не Рейчел. Он знал настоящее имя. Видел в твоём водительском удостоверении, когда забрал бумажник.

Но он сказал «Рейчел», и было жизненно необходимо принять сей факт. То, как он это произнес, раскатистость его «р» и окончательность «л». Рейчел представляла собой чистую страницу без прошлого, куда можно вернуться. Рейчел могла выжить в сарае.

— Тебя зовут Рейчел, — заявил он, — и никто не знает, кто ты.

Ты кивнула. С недостаточной готовностью. Отпустив лицо, он схватил тебя за свитер и впечатал в стену, зажав предплечьем шею; запястье впилося в горло.

Воздуха не хватало, кислород закончился. Окружающий мир постепенно мерк, но приходилось слушать.

— Я сказал, — повторил он, — никто не знает, кто ты. Никто тебя не ищет. Тебе на хрен ясно?

Он ослабил хватку. Перед тем как закашляться, захрипеть и все остальное, ты кивнула. Словно сама верила. Словно от этого зависела твоя жизнь.

Ты стала Рейчел.

Ты уже несколько лет Рейчел.

Ты выжила благодаря ей. Благодаря себе.